

ИЗ ИСТОРИИ ЭПИДЕМИЙ В ДАГЕСТАНЕ В XVIII в.

Специфические природно-климатические условия Дагестана, вхождение его территории в состав двух природных очагов чумы — Восточно-кавказского и Прикаспийского северо-западного, а также включение эпидемиологами приморской его части в перечень территорий, подверженных холере в первую очередь, говорят о том, что эти факторы играли важную роль в жизни населения региона на протяжении многих столетий. В связи с этим определенную актуальность вызывает изучение истории эпидемий в разные исторические эпохи.

Эпидемия чумы, продолжавшаяся с 1727–1728 по 1732–1733 гг., периодически фиксируется в разных районах Дагестана. Занесена она была из Персии в город Решт, а затем попала и в Дагестан. Началась эта эпидемия в Дербенте [Айтберов, Абдулкеримов 1988: 52]. Русские власти принимали меры против распространения заболевания вглубь страны. Донскому и яйцкому атаманам было предписано, «чтобы они имели великую осторожность, дабы обретающиеся в крепости Св. Креста и в других тамошних местах казаки и другие им подобные люди, по своему легкомыслию, сбежав и проехав заставы, не могли в их казацкие места прокрасться и тем не нанесли бы опасной болезни» [Васильев, Сегал 1960: 102]. Подобные указания не помогли, и чума попала в Астрахань, где была обнаружена 4 сентября 1727 г. на прибывшем из крепости Св. Креста терском казаке.

Относительно эпидемического состояния Дагестана в 20–30-е годы XVIII в. имеются данные, связанные с пребыванием на его территории Низового корпуса. П.Г. Бутков писал, что к 1735 г. «из тысячи человек, которые составляли Терское войско 1722 г., не осталось уже теперь ни десятой части, от заразы свирепствовавшей при крепости Святого Креста» [Бутков 1869: 154].

В 1729 г. «потрясающая чума появилась в хунзахских селениях», как сообщает источник [Айтберов 1992: 141]. Этой вспышке

чумы предшествовал падеж скота, наблюдавшийся в конце сентября — начале октября этого года [Шихсаидов 1969: 109]. Жители селения Шотода связывают основание своего аула именно с эпидемией 1729 г. Согласно преданию, во время начавшейся эпидемии большинство жителей погибло, а из бежавших в горы в живых остались некие Хочбар, Аругули и Али. Они, положив начало трем тухумам, основали и новое селение [Магомедов 1977: 70].

В 1730–1731 гг. чума свирепствовала в высокогорных лезгинских селах, в частности в Ахтах и Хурюге [Шихсаидов и др. 2008: 385], а через год — на равнине в селении Казанище [Шихсаидов 1969: 109].

«Приход чумы в селение Казанище — в вилайат, именуемый Равниной, — имел место во время правления Будаи-шамхала; появилась она в среду пятнадцатого числа месяца сафар 1150 года» [Айтберов 1992: 139]. Т.е. чума началась в селении Казанище 13 июня 1737 г. Можно предположить, что в данном случае под чумой подразумевается холера, что связано с двумя важными факторами. Во-первых, начало эпидемии относится ко времени года, когда с наибольшей вероятностью возможно возникновение холерных эпидемий, во-вторых, источники не обнаруживают случаев этой инфекции в других регионах, как в самом Дагестане, так и на сопредельных территориях, откуда возможен был бы занос болезни.

В 1739 г. запись в одной из старинных рукописей отмечает «известную чуму в областях Дагестана», в частности в Арчибе и Анчихе [Шихсаидов 1969: 109]. Тогда же по указанию Астраханской губернской канцелярии были учреждены дополнительные заставы, чтобы предотвратить распространение морового поветрия вглубь империи.

В июле 1742 г. среди афганцев из войска персидского шаха Надира, стоявших в урочище Хамейди в Табасаране, появилась «морозная язва», причем связана она была с «презельным жаром» и «вредительной водой». Надир-шах незамедлительно принял противоэпидемические меры — «перевел зараженных в особое место, верст на 50 от своего лагеря к северу, по близости к Буйнакам, валом окопал и запретил разглашать о той зловерности» [Бутков 1869: 213–214].

В 1749–1750 гг. чума появилась в рутульском селении Мишлеш. Надпись в стене здания дает и сведения о количестве умерших: «Восстановил это здание Хаджжи б. Мухаммад-Вали б. Мухаммад-Вали, да простит их Аллах! Аминь. Погибло в чуму четыреста пятьдесят человек. Во время Амир-хан-султана, да продлит Аллах его правление! В дату — тысяча сто шестьдесят третий год хиджры» [Лавров 1968: 59].

В 1763 г. источники упоминают «всеобщую известную чуму» в Дагестане [Айтберов, Абдулкеримов 1988: 54]. Но ни географию ее распространения, ни количество жертв установить не представляется возможным. Как и прежде, в Дагестан инфекция попала из Закавказья, где в 1762 г. «случилась сильная чума, от которой более всех пострадал город Ахсу» [Бакиханов 1991: 159].

Эпидемия холеры в 1769 г. распространилась в высокогорье. Памятная запись сообщает, что в селении Хашархота от нее умерло 120 человек, в селении Бежта — 300 человек, а вычленилось 100 человек [Айтберов, Абдулкеримов 1988: 61]. Сведения русского военного И. Норденстама дополняют представления об этой холерной эпидемии: «Смертность была очень велика, особенно в Анцухе и Хуанале, где народонаселение уменьшилось до того, что некому было работать, а скот пропадал без присмотра» [Норденстам 1958: 323].

В 1770 г. в Дагестане фиксируется вспышка чумы в гидатлинском союзе сельских общин. Сохранившаяся памятная запись на полях одного из рукописных сборников в мечети селения Тидиб гласит: «Хаджибрахим ал-Уради, превосходный Хадис ал-Мачади, ученый, титулованный Багуджилав ал-Мачади и кроткий ученый Байбун ал-Хинти, да помилует их Аллах, умерли от чумы в 1184 году (хиджры. — С.М.)» [Айтберов, Абдулкеримов 1988: 55].

Данный фрагмент отчасти проливает свет на географию распространения чумы, об этом свидетельствуют нисбы умерших ученых. Т.е. эпидемическая вспышка 1771 г. распространилась на селений Урада, Мачада и Гента, находящихся в Центральном Дагестане.

Вспышка холеры была в южно-дагестанском селении Ахты в 1778 г., но она не приняла характера эпидемии, от нее погибло три человека [Шихсаидов 1969: 110].

Последней эпидемией в Дагестане в рассматриваемый период была холера 1795–1796 гг., которая упоминается в так называемой «Эндиреевской хронике» [Оразаев 2003: 272].

Жители некоторых дагестанских сел связывают политический и экономический упадок населенных пунктов, а иногда и полное их исчезновение в определенные исторические эпохи с эпидемиями. Согласно преданиям, на месте современного аула Джинаби некогда находился «большой город», в котором жил кайтагский правитель. Но во время одной из эпидемий эта местность обезлюдела [Магомедов 1979: 48].

Свое переселение на территорию Эндирея в середине XVIII в. чеченцы-качкалыковцы объясняли тем, «что прежде сего наше жилище было во оной Андреевской деревне, а оттуда де мы вышли в бывшее в реченной Андреевской деревне моровое поветрие» [ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 112. Л. 20].

С конца 1740-х годов, опасаясь заноса «морового поветрия» из Турции, были учреждены заставы и карантинные пункты на границах страны. Кроме пограничных, внешних карантинных, были организованы также карантинные внутренние — на рубежах отдельных губерний или областей, откуда боялись заноса инфекции. В Дагестане эта деятельность по охране страны от заноса инфекций вылилась в создание карантинно-таможенного пункта у Кизляра в 1755 г. [Васильев, Сегал 1960: 115]. Описывая деятельность одной из таких застав, И. Гильденштедт писал: «Редут Каргина приносит тройную пользу. Лейтенант, располагающийся в нем с несколькими солдатами, казаками и четырьмя пушками, следит за безопасностью границ и вовремя извещает крепость Кизляр с помощью зажженного смоляного факела о приближении вражеских тавлинцев (горных народов). Хирург заставляет там выдерживать карантин людей, приходящих из Персии, задерживает он и их товары; и наконец, таможенный служитель обследует, не вывозят ли отъезжающие русские серебряные монеты, и берет пошлину с поступающих товаров. От Каргина до Каспийского моря по правой стороне Терека есть еще несколько таких редутов» [Гильденштедт 2002: 40].

Источник

ЦГА РД — Центральный государственный архив республики Дагестан). Ф. 379. Оп. 1. Д. 112.

Библиография

Айтберов Т.М. Памятные записи, представленные Магомедгаджи-евым Магомедом — кадием сел. Обода // Геничутлинский Х. Историко-биографические очерки / Перевод с араб. Т.М. Айтберова. Махачкала, 1992.

Айтберов Т.М., Абдулкеримов М.М. Обзор некоторых рукописных собраний Дагестана // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект / Сост. Д.Х. Гаджиева. Махачкала, 1988.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., прим., указ. З.М. Буниятова. Баку, 1991.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. I.

Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. (Материалы и очерки.) М., 1960.

Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. / Пер. с нем. Т.К. Шафрановской, ред., комм. Ю.Ю. Карпова. СПб., 2002.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Л., 1968. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1977.

Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала, 1979. Вып. 2.

Норденстам И.И. Описание Антль-Ратля // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XX в. // Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.М.-О. Хашаева. М., 1958.

Оразаев Г. М.-Р. Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках. XVII — начало XX в. Тексты, комментарии. Махачкала, 2003. Кн. 1.

Шихсаидов А., Баркуев К. Ахмедов М.-К. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008.

Шихсаидов А.Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.